

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 12 (3823)

Вторник, 28 января 1958 г.

Цена 40 коп.

Год нашей жизни

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ о прошедшем году у всех нас сложилось еще задолго до того, как тридцать первого декабря часы пробили полночь... Это был хороший год — добрым словом провожали его советские люди. Это был год новых замечательных успехов в строительстве коммунизма. Год большого подъема социалистической промышленности. Год, когда продолжало идти в гору наше сельское хозяйство, успешно решая поставленную задачу — дотянуть и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству на душу населения мяса, молока и масла. Год нового повышения материального благосостояния и культурного уровня народа. Год широкого жилищного строительства. Год великих достижений нашей страны в развитии науки и техники. Год запуска первых искусственных спутников Земли, созданных нашими талантливыми учеными, инженерами, техниками и рабочими. Год неоднократных и великих проявлений творческого гения народа, еще выше поднявших авторитет страны побеждавшего социализма. Год сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эпоху в истории народов.

И вот опубликованы итоги прожитого года. Цифры читаются, как поэма. Цифры, по слову Глеба Успенского, начинают принимать человеческие образы и облечься в картины ежедневной жизни.

Значение самого разностороннего изображения жизни приобретают в нашей стране публикуемые сообщения Центрального Статистического Управления.

Это — картины повседневной нашей жизни и каждого дня нашего труда, овеществленного в чугуне жилых домов, в стекле и книгах, в нефти и молоке, в автомобилях и телевизорах, в цифрахроста производительности труда и цифрах, показывающих количество открытых кинотеатров. Семьдесят лет назад, в ту пору, когда Глеб Успенский писал свои очерки, люди видели в огромных книжах и связках статистических изданий только книгу, которой предназначено было упокоение на полках. Для нас же, внуков и правнуку этого поколения, статистическая сводка — это живая жизнь, это выраженные цифрами сущая правда жизни народа. Одна из примечательных особенностей прошлых после Двадцатого съезда партии лет — это популяризация статистики в нашей стране. В определении В. Ильинским «Отеческих задач» Советской власти мы читаем: «Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительно ведения «казенных людей» или узких специалистов, — мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудающиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отыскать...» Этими требованиями Ленин определяется организация статистической работы в нашей стране и начавшаяся в последние годы широкая публикация разносторонних статистических данных и выпуск солидных статистических сборников. Цифры позволяют народу сравнивать сегодняшний день с днем прошедшего, они помогают увидеть завтрашний день.

В пору первой пятилетки Балентин Катаев описал разговор двух инженеров — советского и американского. Советский инженер говорил будущему, а мистер Рай Рун, утомленно прикрытый глаза, твердил: «Слишком много цифр. Слишком много техники. Слишком большие масштабы». В прошлом году, как известно, были

этисловия я невольно вспомнил недавно две до празднования сорокалетия Октября, получая в Госстатизате только что вышедшую тогда книгу «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах». При мне раздался телефонный звонок: говорил московский корреспондент одного из американских телеграфных агентств. Он просил 200 (двухсот) экземпляров книги. «Слишком много цифр, слишком много техники, слишком большие масштабы» уже интересовали, по-видимому, слишком много организаций и слишком многих лиц в Америке. Было это через несколько дней после запуска первого искусственного спутника Земли, после того, как директор американской радиовещательной компании «Ньюинл бродкастинг корпорейшн» бросил в эфир: «Слушайте теперь сигналы, отделяющие нас от прошлого!». Сорок лет назад не хотели они верить, что выстрел «Авро-5» — это сигнал, навсегда отделяющий прошлое от будущего. В 1957 году пришло поверить...

В прошедшем году была осуществлена в соответствии с решением Февральского Пленума ЦК КПСС и седьмой сессии Верховного Совета СССР перестройка управления промышленностью и строительством. Сколько было в то время разговоров и «пророчеств» в буржуазной печати, сколько лиц за рубежом предвещали «кризис советской экономики»!

И вот опубликованы итоги, показывающие, как советская действительность опрокинула все измышления врагов. На десять процентов вперед по сравнению с 1956 годом объем промышленного производства. После реорганизации управления промышленностью плановые задания выполнялись на более высоком уровне, нежели в соответствующий период предыдущего года!

37 миллионов тонн чугуна, 51 миллион тонн стали, свыше 40 млн. тонн проката, более 84 миллионов тонн железной руды, 463 миллиона тонн угля, 98 с лишним миллионов тонн нефти, почти 210 миллиардов киловатт-часов электротехнических, 5,6 миллиарда метров хлопчатобумажных тканей, 282 миллиона метров шерстяных тканей, 805 миллионов метров шелковых тканей, 315 миллионов пар кожаной обуви, свыше 3 миллионов тонн мяса, более 600 тысяч тонн животного масла, почти 4,5 миллиона тонн сахара-песка, 1,3 миллиона тонн мыла — вот взятые на выдержку цифры...

Сообщение Центрального Статистического Управления убедительно и веско свидетельствует об успехах нашего сельского хозяйства. Несмотря на неблагоприятные в ряде районов страны метеорологические условия, валовой сбор зерновых культур по сравнению с 1953 годом увеличился на 26 процентов. На 70 процентов больше, чем в 1953 году, собрано сахарной свеклы. Это намного больше валовых сборов этой культуры во все предшествовавшие годы.

С большим интересом будет воспринято и оценено то место сообщения ЦСУ, где говорится, что в настящее время производство молока в нашей стране достигло примерно 95 процентов производства молока в США, объем продукции масла за 1957 год был примерно таким же, как в США, а по объему производству масла, то есть включая домашнее производство, СССР в истекшем году уже несколько превзошел США.

В прошлом году, как известно, была

поставлена задача — в течение ближайших 10—12 лет ликвидировать в стране недостаток жилья. И вот уже за год введен в действие, не считая строительства, осуществляемого колхозниками и сельской интеллигенцией, жилых домов общей площадью свыше 48 миллионов квадратных метров.

52 миллиона 100 тысяч человек — на 2 миллиона 100 тысяч человек больше, чем на конец 1956 года, — такова численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР на конец 1957 года. «В 1957 году, как и в предыдущие годы, безработицы в стране не было». Вот что говорится в сообщении ЦСУ. Вдумайтесь в эти слова. Как много заключено в них! Это написано в то время, когда в США, например, с конца 1956 года по ноябрь 1957 года число безработных выросло на одну треть. По последним официальным данным, в середине декабря общая численность безработных в США составила 3 миллиона 400 тысяч человек. Такие цифры были объявлены 14 января. Но они устарели: по данным «Нью-Йорк таймс», число безработных в США в середине января уже «перевалило за четыре миллиона человек». А в СССР нет безработицы.

Не могут не порадовать цифры, свидетельствующие о подъеме культуры в стране. На миллиарда увеличились численность учащихся в общеобразовательных школах, полтора миллиона юношей и девушек окончили средние школы, более 770 тысяч молодых специалистов вышли из вузов и техникумов в большую жизнь. Открыто 1700 новых средних школ, создан ряд новых высших учебных заведений. Тираж книг, изданных в прошлом году, составил 1,1 миллиарда экземпляров, увеличился и тираж газет, журналов.

Пиши наша роста, цифры гигантского подъема нашей экономики, культуры и быта обнародованы в знаменательную пору. Они появлялись накануне выборов в Верховный Совет СССР. Они прозвучали на весь мир в январе 1958 года. В «Истории народного хозяйства СССР» сказано: «Первый пятилетний план развития народного хозяйства начал действовать с 1 октября 1928 г.». Следовательно, нынешний 1958 год — юбилейный для наших планов! Тридцать лет тому назад, в октябре 1928 года, вступив в действие первый пятилетний план. Чрез год Маяковский писал:

Цифры выполнения,
вывивайте клины!
Цифры повышений,
выстранивайтесь, страны!
Выше взырайтесь,
генеральная линия
индустриализации
Советской страны!
Множьтесь, единицы,
в грабли и вилы.
Перед нулями:
станьте на-караул.

Цифры выполнения, взырайтесь, страны... Теперь уже не о граблях и вилах идет речь в сводках достижений страны... Поздравленные советскими статистиками итоги возникают перед нами, как добрые вестники дальнейшего подъема нашей страны, уровня нашей жизни. За каждой публикуемой сегодня «цифровой выполнения», за каждой «цифровой повышения» стоит не только труд человека на заводе, в шахте, на полях, в научно-исследовательском институте, но и благо всего народа в целом.

А. ЛИТВАК

«ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ» ДОЛЖНЫ СТАТЬ БОЕВЫМ ЖУРНАЛОМ

На совместном заседании секретариата правления Союза писателей СССР и Ученого совета Института мировой литературы имени А. М. Горького

СОЗДАНИЕ журнала «Вопросы литературы» было заметным событием нашей литературной жизни. На журнал, объединяющий литераторов и критиков, возлагались большие надежды. От него прежде всего ждали смелой и последовательной разработки насущных вопросов теории, активного участия в развернувшихся в прошлом году идеино-естетических боях. Иерархический столп важная задача — добиться синтеза литературоведения и критики, сделать литературную науку более боевой, литературную критику — теоретически более оснащенной и глубокой.

Уже вышло семь номеров журнала. Они дают возможность судить о том, какое направление избрала редакция, спрашивается ли она с главными своими задачами. Выяснению этих вопросов и было посвящено заседание секретариата правления Союза писателей СССР и Ученого совета Института мировой литературы имени А. М. Горького, состоявшееся 15 и 16 января.

С сообщением о работе журнала «Вопросы литературы» выступил его главный редактор А. Дементьев.

ЕЩЕ в самом начале, — скажут он, — наметились два мнения о профиле и характере журнала. Одни считали, что он должен быть исключительно историко-литературным и теоретическим, не печатать критических статей. Другие выразили тревогу по поводу возможной «академичности» журнала и считали, что он не соглашается с тем, что журнал печатает разноречивые и противоречивые друг другу статьи. По его мнению, все напечатанные материалы в основном являются удачными, но в настоящем же обзоре критических отделов журналов — обзоров было нечто иное.

После белой характеристики всех разделов журнала А. Дементьев рассказал о ближайших перспективах и планах «Вопросов литературы», призыва критиков и литераторов деятельно помочь в улучшении работы молодого журнала — сложного и трудного по профилю и задачам.

ОБЗОР вышедших номеров журнала сделал В. Друзин. Характеризуя опубликованные на страницах «Вопросов литературы» статьи о реализме, критик отметил, что до сих пор не выявлено единой позиции редакции по отношению к обсуждаемым проблемам.

Журнал из номера в номер публикует материалы прошлогодней дискуссии о реализме в мировой литературе. Но эта дискуссия, которая, несомненно, принесла пользу, стала, по крайней мере, лукава существенными недостатками: во-первых, на ней не были подняты разноречивые точки зрения; во-вторых, не мало выступлений оноской скользящей характеристики, и в этом смысле не может быть однозначной. Односторонность этих двух мнений очевидна, так как «Вопросы литературы» создавались как единый орган теории, истории литературы и литературной критики.

Мы видим и другие недостатки, но в одном мы уверены — в нашей принципиальности. Журнал выступает против буржуазной идологии в области литературы и искусства, против ревизионизма и догматизма. Программными для нас являются высказывания Н. С. Хрущева: «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», которые не были обсуждены с необходимой полнотой и вниманием. Эти слабости дискуссии целиком и полностью перенесены на страницы журнала, а ведь прошло уже немало времени и можно было и пройти дальше.

Большой раздел журнала посвящен вопросам истории литературы. Здесь немало интересных и содержательных материалов — прежде всего следует указать на статьи Б. Балика и Ю. Юзовского, в которых сразу и по-новому говорится о Гоголе. Появление подобного рода работ оправдано. Но когда публикуются исследования по характеру своему более подходящие для «Ученых записок», — а также, например, статьи Маркса и Энгельса, не мало выступлений оноской скользящей характеристики, и в этом смысле не может быть однозначной. «Вопросы литературы» следует решительно перестроить свою работу. Да сих пор журнал не уверен и робко напыливается верным путем, очень часто блуждая без ясной цели.

ОБЗОР В. Друзина и широко развернутые прения показали, что недостатки журнала гораздо более существенны, чем это было представлено в сообщении его главного редактора.

Я хотела бы начать со слов, — заметила Е. Нимичевич, — ведь академик может быть очень актуальным. Иногда явление, как будто бы далекое от острых сегодняшних проблем, неожиданно оказывается очень резким влиянием на эти проблемы.

Но я умна, что журнал не от хорошей жизни стал печатать дискуссию о реализме, прошедшей почти год назад. Требовалось другое — взять всю скопуность теоретических выисканий и сесть на них острой и полезной выволы.

На страницах «Вопросов литературы» много высоконачальной добросовестности, и все же мне кажется, что ему не хватает общей идей. Вопросы наследства надо ставить в журнале так, чтобы они помогали нашей литературе и ее идейной борьбе. Когда я говорю об общей идее, я думаю, что основным должно быть покой и спокойствие.

Особо следует остановиться на статье О. Михайлова «Проза Бунина». Одержавший благом наименование рассказа о реалистической теории в мировой литературе. Но это доказательство, как будто бы далекое от острых сегодняшних проблем, неожиданно оказывается очень резким влиянием на эти проблемы.

Но я умна, что журнал не от хорошей жизни стал печатать дискуссию о реализме, прошедшей почти год назад. Требовалось другое — взять всю скопуность теоретических выисканий и сесть на них острой и полезной выволы.

На страницах «Вопросов литературы» много высоконачальной добросовестности, и все же мне кажется, что ему не хватает общей идей. Вопросы наследства надо ставить в журнале так, чтобы они помогали нашей литературе и ее идейной борьбе. Когда я говорю об общей идее, я думаю, что основным должно быть покой и спокойствие.

Особо следует остановиться на статье О. Михайлова «Проза Бунина». Одержавший благом наименование рассказа о реалистической теории в мировой литературе. Но это доказательство, как будто бы далекое от острых сегодняшних проблем, неожиданно оказывается очень резким влиянием на эти проблемы.

Но я умна, что журнал не от хорошей жизни стал печатать дискуссию о реализме, прошедшей почти год назад. Требовалось другое — взять всю скопуность теоретических выисканий и сесть на них острой и полезной выволы.

На страницах «Вопросов литературы» много высоконачальной добросовестности, и все же мне кажется, что ему не хватает общей идей. Вопросы наследства надо ставить в журнале так, чтобы они помогали нашей литературе и ее идейной борьбе. Когда я говорю об общей идее, я думаю, что основным должно быть покой и спокойствие.

Особо следует остановиться на статье О. Михайлова «Проза Бунина». Одержавший благом наименование рассказа о реалистической теории в мировой литературе. Но это доказательство, как будто бы далекое от острых сегодняшних проблем, неожиданно оказывается очень резким влиянием на эти проблемы.

Но я умна, что журнал не от хорошей жизни стал печатать дискуссию о реализме, прошедшей почти год назад. Требовалось другое — взять всю скопуность теоретических выисканий и сесть на них острой и полезной выволы.

На страницах «Вопросов литературы» много высоконачальной добросовестности, и все же мне кажется, что ему не хватает общей идей. Вопросы наследства надо ставить в журнале так, чтобы они помогали нашей литературе и ее идейной борьбе. Когда я говорю об общей идее, я думаю, что основным должно быть покой и спокойствие.

На страницах «Вопросов литературы» много высоконачальной добросовестности, и все же мне кажется, что ему не хватает общей идей. Вопросы наследства надо ставить в журнале так, чтобы они помогали нашей литературе и ее идейной борьбе. Когда я говорю об общей идее, я думаю, что основным должно быть покой и спокойствие.

На страницах «Вопросов литературы» много высоконачальной добросовестности, и все же мне кажется, что ему не хватает общей идей. Вопросы наследства надо ставить в журнале так, чтобы они помогали нашей литературе и ее идейной борьбе. Когда я говорю об общей идее, я думаю, что основным должно быть покой и спокойствие.

На страницах «Вопросов литературы» много высоконачальной добросовестности, и все же мне кажется, что ему не хватает общей идей. Вопросы наследства надо ставить в журнале так, чтобы они помогали нашей литературе и ее идейной борьбе. Когда я говорю об общей идее, я думаю, что основным должно быть покой и спокойствие.

На страницах «Вопросов литературы» много высоконачальной добросовестности, и все же мне кажется, что ему не хватает общей идей. Вопросы наследства надо ставить в журнале так, чтобы они помогали нашей литературе и ее идейной борьбе. Когда я говорю об общей идее, я думаю, что основным должно быть покой и спокойствие.

БЫВШИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ

В ЛЮБОМ колхозе, цехе завода, на каждой новостройке и в шахте непременно встретишь интересных, творческих проявивших себя работников, о которых в коллективе говорят с гордостью:

— Наша знатная людьми!

Портреты передовиков производства красуются на Доске почета, их фамилии часто можно встретить в газетах, их труд является собой пример самоотверженного служения Родине. Как и в любом другом краю, у нас, на Южном Урале, таких людей много.

Далеко за пределами Челябинской области известны имена запевал соревнования: технолога Александра Иванова, строителя Афанасия Белова, токаря-наладчика Павла Зайцева. Советские металлурги хорошо знают магнитогорцев Н. Савицкого, А. Шатилина, Герасимовича, Ильинца многих других замечательных мастеров металла. А сколько талантливых производственников выросло на Челябинском тракторном и на Челябинском металлургическом заводах, в Миассе, Златоусте. Были там, в шахтах Копейска, в колхозах и совхозах области!

Добрая слава передовиков и новаторов устойчива, ибо она добыта не случайным успехом, а ежедневным упорным трулом и каждый день подкрепляется новыми трудовыми свершениями.

Семья наших знатных людей с каждым годом растет, пополняясь новыми талантами, новыми мастерами своего дела. Ноывают в этой большой семье и обидные потери, и горькие разочарования.

Слухается, что хорошо заявивший о себе человек споткнется на пути, остановится в обозе, но находил силы вырваться вперед, а опередившие его товарищи не дрогают или поленятся прятнуть ему руку помощи.

Да, так, к сожалению, еще иногда бывает, хотя в нашей стране созданы все условия, чтобы досадных этих фактов не было совсем.

НЕДАВНО мне попалась в руки брошюра Нурмухамеда Валеева — бригадира нашумевшей в свое время бригады графитчиков Челябинского электродного завода.

В брошюре помещен портрет Валеева. Вспомнившись, я вспомнила эти открытое лица с живыми угольно-черными глазами.

Рассказу Валеева об опыте работы его бригады была предпослана вступительная статья секретаря заводской партийной организации В. Бояченко. Он восторженно отзывался о новаторском почине этой бригады, подхватывавшей инициативу Александра Чутких.

Перелистывая брошюру, написанную, как мне сейчас показалось, не очень скромно, и невольно подумала, почему давно ничего не слышно о Валееве, имя которого долгое время не сходило со страниц местных газет, звучало с трибуны советских, конференций?

И вот я звонко одинаково руководящему работникам, тесно связанным с жизнью промышленных предприятий Челябинска. Выслушав вопрос о немецком пощупите:

— Бывшими знаменитостями интересуетесь? — И коротко добавил: — Несколько лет тому назад Валеев ушел с завода, недавно работал в Сосновском районе, потом был где-то вожаком. Где он сейчас? Этого я не скажу, не знаю. Обратитесь в электродный завод.

Из рассказов с директором завода тов. Васильевым и другими работниками, из бесед с самим Валеевым удалось восстановить обширную картину неизвестного спасенного рабочему, оказавшемуся вне своего коллектива.

В ЭЛЕКТРОДНЫЙ цех Валеев пришел в 1936 году девятнадцатилетним юношей. У него не было ни образования, ни специальности, зато были молодость, жажды работы, руки и острая природная сметка. Через четырёх лета его уже называли бригадиром загрузчиков электродного цеха. Бригадиром он оказался забытыми и по-хорошему беспокойными. Да и народ в бригаде подобрался хороший — все один к одному комсомольцы, молодежь. Первый на заводе бригада включилась в борьбу за высокое качество продукции, продолжая почин Александра Чутких.

Как и следовало ожидать, инициатива комсомольско-молодежной бригады встретила поддержку в заводском коллективе и в руководящих организациях города. Но

тогда, очевидно, была совершина первая ошибка, повлиявшая на дальнейшую жизнь Нурмухамеда Валеева.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

Я помню, как несколько лет тому назад, учась в школе мастеров, Шатилин говорил:

— Трудновато, конечно, бывает порой, ведь годы мои уже не молодые, но зато когда учишься, то работает легче..

Или взять другого знатного магнитогорского доменщика Николая Ильича Савичева, которого ученики называют первым своим «университетом». Он дружит с наукой, окрылен теорией практику, следит за новинками ломенного производства и, должно быть, именно потому считается «университетом».

А Герой Социалистического Труда копейский угольщик Петро Андреевич Томилов! По его биографии можно судить о техническом прогрессе нашей угольной промышленности: был наставлением вице-президентом, сидел в президиумах. Да и речи эти зачастую для него сочинились... — и он постоянно привык читать чукой текст.

Время шло. Перед заводом вставали все более сложные задачи, требовавшие от всего коллектива и от каждого рабочего в отдельности большей технической зрелости, большего мастерства, новых культур, и, чтобы в ногу шагать с жизнью, многие рабочие и мастерашли на курсы, в вечерние школы, готовились к поступлению институту. Надо бы тогда взяться за учение и Нурмухамеду Валееву, но он этого не сделал, а старшие товарищи не помогли ему советом.

Кто знает, может быть, учение, совершенное с работой в цехе, вечеря, проводимые над книгами, уберегли бы Валеева от серьезных срывов в его поведении. Он совершил прогулки, а когда бригадир прогуливает, то вряд ли он может расчитывать на дисциплину в бригаде. Была вальевская слава стала таять, а застывшая покатилась вниз...

У Валеева не хватило сил и умения удержаться на высоте, а те, кто помогал ему подниматься в гору, не привнесли настоящей заинтересованности в его дальнейшей судьбе. Это особенно относится к руководителям партийной организации завода, которые в первую очередь должны были позаботиться о воспитании молодого коммуниста. Но в парткоме завода решили не создавать лишних хлопот и отпустили Валеева с завода.

В новых условиях, в новом коллективе Валеев тем более не смог удержаться и снова вернулся в Челябинск. Но его, кадрового рабочего, не приняли на электродный завод.

Да, он совершил немало обидных ошибок. Валеев и не отрицает этого. Но разве у него уже все позади? Разве мало полезного сделано им в жизни? Разве кто-нибудь вправе перечеркнуть два десятка лет, отданных им производственному делу? Так почему же руководители электродного завода закрыли дверь перед своим кадровым рабочим?

Нельзя сказать, что отказал Валееву при приеме на завод заместитель директора тов. Бояченко, тот самый Бояченко, который, будучи партнером этого завода, писал предисловие к брошюре, аттестуя Валеева как лучшего из лучших.

Сейчас Валеев работает обжигальщиком печи. Работает старательно, внес несколько рационализаторских предложений, и все же с нескрываемой грустью он говорит:

— Есть, кажется, такая поговорка: на печи, а не дома. Так вот и у меня. Работа хорошая, грех жаловаться, и разрабатывать не меньше, чем в электродном цехе, а душа тоскует. До сих пор считал, что лучше в бригаде, где каждая гасетка моими руками согрева.

В свое время А. М. Горький подметил, что не всегда важно, о чем говорит человек, но всегда важно, как он говорит. Мудрость, заключенная в этих словах, много раз на жизненном пути помогала мне разобраться в искренности человеческого слова. И пусть Валеев в разговоре со мной не был до конца объективен по отношению к самому себе, но из того, как он говорит о заводе и о товарищах, как влажно блестели его глаза, я поняла, что судьба этого человека могла и должна быть сложиться иначе. Да и сейчас ему еще не поздно учиться, и дерзать. Сокровище один год — не помеха!

УЧИТЬСЯ, учиться и еще раз учиться — эта мысль, высказанная В. И. Лениным на заре становления Советского государства, никогда не утратит боевого звучания.

Если проследить судьбы наших знатных людей, то при всем своеобразии их биографий, талантов, душевного склада отчего-либо обнаруживается одна общая для всех них черта: непрерывное, жаждное стремление к знаниям, совершенствование мастерства.

Знатный магнитогорский доменщик Алексей Леонтьевич Шатилин вот уже более четверти века идет в авангарде борьбы за передовую технику, за небывалые в мире коэффициенты использования дешевой печи. И все это время Шатилин непрерывно учится.

Магнитогорский доменщик Л. ТАТЬЯНИЧЕВА

двоухэтажного дома шофер оставил машину. Таблицы — «врачи», «регистратура» — говорили о том, что здесь лечебное учреждение. Рядом, среди живописных скал, было разбросано с десятка деревянных построек.

— Приехали, — сказал водитель. — Это и есть Ходжа-Оби-Гарм. А в переводе — святая горячая вода. Он подошел к водопроводной трубе, открыл кран, и оттуда хлынула горячая, как кипяток, вода, с легким запахом сироватки.

Рядом находился другой кран, из которого текла ледяная прозрачная, как кристалл, вода. Пить ее можно только маленьими глотками, и вкус у нее необыкновенный.

Солнце стояло в зените, но жары не чувствовалось. Мы находились выше уровня моря на 1900 метров.

Нас представили главному врачу, молодому еще человеку с веселыми, живыми глазами, Христофору Герасимовичу Кириллову. От него мы услышали повторительный рассказ о необыкновенном курорте.

О Ходжа-Оби-Гарме мало знают на Западе, но зато он широко известен в Средней Азии, в странах Ближнего и Среднего Востока. Более 500 лет со всех восточных стран стекались сюда

находились «мудрецы», которые вместо доброго, честного совета говорили:

— Была бы голова на плечах. Не всем профессорами быть!

И хоть знал Зотей Андреевич цену подобным словам, но оснащивать их не хотел... — там было спокойней.

Потом случилось что Чуваков, большое горе — смышил машинной задвижки. И Чуваков не устоял. Сорвался, начал пить...

Я вижу, как набухают на больших руках синие вены, слышу, как оседает на самые приглушенные ноты голос Чувакова, когда он говорит об этом.

— Виноват. Перед собой, перед людьми, кругом виноват. Ну, разве же нельзя было остановить, предостеречь?..

А ведь как получилось — все (мы) ходили с руками: дескать, не малый человек, сам понимать должен. Когда же дело насклошилось, спохватились: помогать уже поздно, нужна, как говорят, хирургическая мера.

В результате получилось недалекое, довольно обидное: коренной хлебороб брошился родное село, живет в Челябинске.

— Работа у меня пресная, мелкая, — говорит Чуваков, морща как от зубной боли — Заведую снабжением автомобилей.

Да и это что за работа, когда с полуны делать нечего? Завед от скуки огород, снял на улице высокий урожай со своих шестнадцати соток, а на сердце тоска: не к таким привык масштабам. Если бы мне сюда доверие оказали...

Словно ненароком перейдя на «ты», Николай Федорович говорит, пожимая большую, сильную руку Чувакова:

— Мы с тобой, Зотей Андреевич, еще вернемся к этому разговору. А пригласил я тебя к себе не ради воспоминаний. Недавно опять вишили, как ты, шатаешься по улице: встремился ко мне. Вот и решил еще раз напомнить: возьми ты себя в руки.

Лицо Чувакова покрылось густой краской. Он хотел что-то сказать, но, должно быть, не нашел подходящих слов и, сгущаясь, направился к двери. На подпоре он обернулся и тихо выговорил:

— Постараюсь. Николай Федорович.

Эта встреча изволновала секретаря общего. Глядя, как падают за окном крупные снежинки, он сказал:

— Вот как бывает: поднимают подиумом иного человека, выдыхают завышенный паек общественного внимания, а расprodается этим пайком человек не умеет. Вовремя ему помочь не окажем, вот и пошло все наスマрку. Очень надо быть осторожным, когда дело идет о судьбе человека, о его сегодняшнем и завтрашнем дне.

АЛЕКСАНДР Александрович Фадеев, собравший материалы для своего романа «Черная металлургия», несколько раз и подолгу был в Магнитогорске, всегда останавливаясь у столова Захарова.

Захаров тогда переживал счастливую пору расцвета своей трудовой славы. За Чувакова очень давно, еще со временем 1955 года, когда либо «Иностранной литературы» еще только определялось. Большинство деятелей культуры зарубежных стран охотно отклинулось тогда на наш призыв к сотрудничеству. За прошедшие три года на страницах журнала выступило более четырехсот авторов — поэтов, прозаиков, литераторов и критиков разных стран.

Журнал был и вперед стремится к тому, чтобы возможно шире знакомить советских читателей с лучшими образами современной зарубежной литературы, отмеченными высокими идеальными и художественными достоинствами. Мы познакомим читателей с новым большим романом исландского писателя Халльдора Лакснеса «Хроника хутора Бреккюкот», с первым крупным произведением венгерской писательницы Клары Бихари «Жажды». Роман этот получил высокую оценку венгерской критики. Опубликуем мы также роман еще почти совсем не известного нашего читателям западногерманского писателя Вольфганга Кепена «Смерть в Риме». У читателей вызовет интерес и новая повесть Джона Б. Пристли «Путь от ухода». Начатый в январском номере роман итальянского писателя Альберто Моравии «Чочар» будет продолжен в февральской книге.

Журнал получит рукописи романов молодого румынского писателя Титуса Поповича «Земля и чешского писателя Карела Пачника «Город на границе». Среди других произведений писателей стран социалистического лагеря, с которыми журнал издается с 1955 года, — романы ильинского писателя Владимира Захарова.

Захаров тогда переживал счастливую пору расцвета своей трудовой славы. За Чувакова очень давно, еще со временем 1955 года, когда либо «Иностранной литературы» еще только определялось. Большинство деятелей культуры зарубежных стран охотно отклинулось тогда на наш призыв к сотрудничеству. За прошедшие три года на страницах журнала выступило более четырехсот авторов — поэтов, прозаиков, литераторов и критиков разных стран.

Каждый из них, в свою очередь, имеет право на заслуженное место в журнале. Начиная с 1955 года, журнал издается с 1955 года, когда Чуваков был издан впервые в журнале «Иностранной литературы».

Каждый из них, в свою очередь, имеет право на заслуженное место в журнале. Начиная с 1955 года, журнал издается с 1955 года, когда Чуваков был издан впервые в журнале «Иностранной литературы».

Каждый из них, в свою очередь, имеет право на заслуженное место в журнале. Начиная с 1955 года, журнал издается с 1955 года, когда Чуваков был издан впервые в журнале «Иностранной литературы».

Каждый из них, в свою очередь, имеет право на заслуженное место в журнале. Начиная с 1955 года, журнал издается с 1955 года, когда Чуваков был издан впервые в журнале «Иностранной литературы».

Каждый из них, в свою очередь, имеет право на заслуженное место в журнале. Начиная с 1955 года, журнал издается с 1955 года, когда Чуваков был издан впервые в журнале «Иностранной литературы».

Каждый из них, в свою очередь, имеет право на заслуженное место в журнале. Начиная с 1955 года, журнал издается с 1955 года, когда Чуваков был издан впервые в журнале «Иностранной литературы».

Каждый из них, в свою очередь, имеет право на заслуженное место в журнале. Начиная с 1955 года, журнал издается с 1955 года, когда Чуваков был издан впервые в журнале «Иностранной литературы».

Каждый из них, в свою очередь, имеет право на заслуженное место в журнале. Начиная с 1955 года, журнал издается с 1955 года, когда Чуваков был издан впервые в журнале «Иностранной литературы».

Каждый из них, в свою очередь, имеет право на заслуженное место в журнале. Начиная с 1955 года, журнал

